

В пределах отведенного нам объема мы лишены возможности осветить многие другие аспекты этого сборника. Сборник охватывает широкий круг славистических проблем, весьма актуальных для современной науки. В разработке поставленных проблем принимают участие известные ученые, слависты разных стран. Сборник, несомненно, привлечет к себе внимание широкой научной общественности.

Л. В. Куркина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ślawski F.* Prastary pólnocnosłowiański termin bartniczy *otъ-lěkъ* 'głowa barci' // *Zb. za filologiju i lingvistiku IV—V.* Novi Sad, 1961—1962. 304—312, *Ślawski II.* 196—198 (s.v. *kleczyć*).

² *Трубачев О. Н.* Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии 48—52) // *Этимология* 1972. М., 1974. 31—32.

³ См. подробнее о функционировании (и)спыти в других памятниках и истории изучения этого слова в кн.: *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. 30 и след.

⁴ *Matić T.* Lexicalia iz starih hrvatskih pisaca // *Rad JAZU*, knj. 315. Zagreb, 1957. 40.

⁵ *Куркина Л. В.* Южнославянские этимологии // *Этимология* 1982. М., 1985. 13—16.

⁶ *Warchol St.* W sprawie genezy i funkcji sufiksu *-ula* w słowiańskich nazwach osobowych i apelatywach // *Z polskich studiów slawistycznych.* Seria 3. Językoznawstwo. W-wa, 1968. 55—63.

⁷ См. из последних работ: *Трубачев О. Н.* Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на **ъnъnъ*, **-janъnъ* // *Этимология* 1980. М., 1982. 3—15; *Moszyński L.* Z zagadnień słowotwórstwa prasłowiańskich nazw plemiennych // *Etnogeneza i topogeneza Słowian.* Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Slawistyczną przy oddziale PAN w Poznaniu w dniach 8—9. XII, 1978. Warszawa; Poznań, 1980. 65—74.

Кари Лиукконен. Восточнославянские отглагольные существительные на *-m*. I. Существительные на **-mъ*/**-ma*/**-mo*. Хельсинки, 1987 (= *Slavica Helsingiensia* 5).

Книга К. Лиукконена посвящена словообразовательно-этимологическому исследованию восточнославянской лексики. Этот аспект изучения славянского словарного состава является в настоящее время одним из наиболее актуальных, что определяется возрастающими требованиями в отношении четкости и строгости анализа структуры слова в этимологической практике и необходимостью пополнения сведений об историческом словообразовании путем привлечения нового этимологического материала.

Автором избраны именные отглагольные суффиксальные модели с опорным элементом *-m*. Наиболее распространенные и известные модели с суф. *-m* предполагается рассмотреть во II томе (см. стр. II). Данный том посвящен группе имен, менее изученной и более трудной для анализа, — отглагольным существительным на **-mъ*/**-ma*/**-mo*. Автор не совсем точен, когда утверждает, что "на наличие в славянских языках группы отглагольных имен с словообразовательной структурой консонантная основа + суффиксальное м (в двух ... случаях также с структурой вокалическая (раньше дифтонгическая) основа + суффиксальное м ...) никто, насколько нам известно, до сих пор не обращал внимания" (с. 5—6, разрядка и подчеркивание принадлежат автору монографии. Ж.В.), поскольку именно как производные от глагольных корней (или основ) толковались уже, например, **kosmъ*/**kosma*, **ъumъ*, **pismo*¹, **къrtъ*/**къrta* 'пища' (Berneker I, 668—669), **къrta* (Фасмер II, 329), **skormъ/a*², **česъmъ* (Berneker I, 151), **къlta*/**къlto* (ЭССЯ 13, 188—189) и некоторые другие лексемы, упоминаемые автором. Заслугой автора является, следовательно, прежде всего не обнаружение самого факта отглагольности ряда славянских имен с суф. *-m* и корнями на согласный или

гласный, а осуществленный им опыт значительного расширения этой группы имен, возросшей в его исследовании до 77 лексем. При этом речь идет лишь о восточнославянских отглагольных существительных, образованных на праславянской почве (с. 6), так что, при ориентации на праславянскую реконструкцию и при алфавитном расположении анализируемых лексем, основная часть книги — Этимологический словарь восточнославянских отглагольных существительных на **-ть/*-та/*-то* (II, 13—188), представляет собою существенный фрагмент праславянского этимологического словаря. Средством для такого пополнения праславянской группы отглагольных существительных с суф. *-т-* является применение специфического методического приема, а именно — обоснование большинства новых этимологических решений в структурно-фонетическом плане гипотезой о праславянском упрощении групп согласных $n/m/t/d/p/b/k/g + t > m$ и изменении $q + t > om/um$ в соответствующих лексемах на границе корней и суф. *-т-*. Гипотеза об упрощении сочетаний $p/b/k/g + t > m$ и $q + t > om/um$ представляет собою собственно авторское дополнение к истории праславянских фонетических изменений. Таким образом, в предлагаемых этимологических толкованиях оказываются взаимообусловленными проблема структурного членения лексем (с выделением суф. *-т-*), проблема отождествления производящей основы и допущение фонетических преобразований указанного типа на границе предполагаемых корней и суффикса. В принципе взаимозависимость различных аспектов анализа тривиальна для этимологического исследования, однако проблематичность фонетических преобразований, используемых в аргументации, но не имеющих внешних (по отношению к данному материалу) подтверждений делает ситуацию особенно неустойчивой. Это, разумеется, неизбежно при введении в этимологическую процедуру новой историко-фонетической гипотезы, когда осуществляется попытка ее одновременного обоснования и опробования на этимологическом материале, и в целом такое сочетание словообразовательно-этимологических и историко-фонетических задач увеличивает интерес к работе, еще теснее связывая ее с праславянской исторической грамматикой, но это не может не отразиться в повышении степени проблематичности этимологических решений.

77 этимологических этюдов, составляющих "Этимологический словарь восточнославянских отглагольных существительных на **-ть/*-та/*-то*", отмечены неизменным стремлением автора к полноте как лексического материала, так и истории вопроса, и аргументации. В ряде этюдов предложены достаточно вероятные толкования, опирающиеся на указанную выше фонетическую гипотезу; например:

**nalimь* < **nalip-ть*, от **na-lipati* (предположение о мотивации названия по скользкой коже использовано автором для этимологизации не только **nalimь*, но и **sylimь*, однако в отношении последнего более убедительна гипотеза индоевропейского родства);

**ošimь* (укр. диал. производное *ošimok* 'кусочек хлеба') < **ošib-ть*, от **ošibiti* (точнее была бы реконструкция **obšibimь*, **obšibiti*);

**priimьto* (рус. диал. *prútмом* нар. 'внезапно и спешно', блр. диал. *прытьмóm* нар. 'совсем', укр. диал. *притьмóm* 'непрестанно; безотлагательно; очень, сильно; совершенно', *притьмó* 'клеймо на ухе овцы: прямая горизонтальная черта' и т.п.) < **prityn-mo* от **pri-teti*, **pri-tynq*;

**pronьzma* (рус. диал. *прóзма* 'пройма, бойница; кольцо в носу быка, медведя') < **pronьz-ma* от **pronьziti*;

**rězma* (ст.-рус. *режь* и *режда* 'проток') < **rěz-ma* от **rězati*, **rěžq* (автор предполагает в старорусском материале отражение диалектного колебания $z \sim \text{ж}$; представляется, что достаточно вероятна и словообразовательная цепочка **rězati* > **rězъ* > **rěžъ* > **rěžьma*);

**terть* (блр. диал. *цѣрам* 'лесная чаша, куда не проникают солнечные лучи', укр. диал. *mѣрем* 'заросли', польск. диал. (заимств. из укр.) *terem* 'бездорожье', *terema* 'заросли') < **terb-ть* от **terbiti* (автор не уточнил семантическое развитие; очевидно, можно реконструировать 'раскорчеванный от леса участок, вырубка' → 'поросль на вырубке' → 'неудобный (для проезда, для посева) участок');

**zatumь* (рус. диал. *заты́м* 'способ соединения бревен, брусьев, при котором одно входит в другое') < **zatyk-tь* от **zatykati*.

Значительная часть предложенных в книге этимологий, однако, вызывает определенные возражения.

В некоторых случаях авторские толкования, приемлемые в принципе (по корню и суффиксу), спорны в отношении предполагаемой структуры производящей основы: представляется, что вполне вероятно более простая структура (собственно корень, а не производная основа), а поэтому предположение об упрощении групп согласных на границе корня и суффикса в этих толкованиях излишне. Например:

**verta* (блр. диал. *верэ́ма* 'лозняк') < **vert-ma* — но достаточно и **ver-ma* от **verti*, **vьrǫ*, с мотивацией названия лозняка по признаку гибкости, годности для плетения, что более вероятно, чем авторская гипотеза о первичном значении 'место поворота';

в случае **bl'utmь*/**bl'uta* (блр. диал. *бл'ума* 'плакса, рева', *блюмы* 'нюни') сам автор допускает образование как из **bljuk-tь*/**-ma* (ср. лит. *bliaukti*), так и из **bljumь*/**-ma* (ср. лит. *bliduti*, рус. *блевать*, *блюю*), последнее более вероятно именно вследствие меньшей фонетической спорности.

Соответственно неоправданными представляются авторские коррективы к некоторым существующим этимологиям, касающиеся усложнения структуры основ и одновременно предполагающие упрощение групп согласных, например:

stamь*/stama* (рус. *стамá* 'тонкая лесина для изгороди', производные *стамуха* 'торос', *стамик* 'деревянный брус у окна или дверей, стоящий вертикально' и др.) < **stan-ta*/**stan-ma* от **stanq* — но ср. толкование от **stati* (Фасмер III, 745), авторская гипотеза об образовании имен с суф. *-m-* от основ настоящего времени не может быть аргументом;

**šutmь* < **šuk-tь*, ср. лит. *šaukti* — но вполне вероятно образование от звукоподражания *шү-шү* (см. Фасмер IV, 486);

kьrtь* < **kьрть* или **kьrtmь* (далее — к гнезду и.-е. *(*s*)*ker-*) — но среди продолжений и.-е. гнезда *(*s*)*ker-* были, вероятно, и глаголы без консонантных расширений корня: *šerti*, ***šьrǫ* (ср. лит. *skirti*), откуда **šeriti* (чеш. *šeriti* 'шевелить, рябить', укр. диал. *черути* 'облупливать кору', блр. диал. *чырыць* 'тащить царапая' и др., см. ЭССЯ 4, 66); от корня этих глаголов и образовано **kьrtь*.

Стола примыкают и некоторые другие разработки К. Лиукконена, являющиеся видоизменением существующих этимологических версий в плане реконструкции структуры производящих основ и не представляющиеся более предпочтительными, чем старые. Например:

dumь*/-a* < **dunmь*/**-a* от **dunqti*, **duño* — ср. предположение о происхождении из и.-е. гнезда **dhou-*/**dhu-* (Младенов 154);

**balama* (рус. диал. *балама* 'непостоянный, пустой и болтливый человек') < **balak-ma* от **balakati* — ср. предположение об усечении **balamqta* > *балама* (ЭССЯ I, 146).

Некоторые реконструируемые К. Лиукконеном имена с суф. *-m-* имеют параллельные родственные образования на *-ten-*, что позволяет видеть в славянских материалах, послуживших базой для реконструкций на *-m-*, позднейшие преобразования рефлексов *-ten-* основ. Таковыми представляются рус. диал. *берэ́ма* 'охапка, вязанка', блр. диал. *бярэ́мак* 'ноша', *бярэ́ма* 'охапка', *берэ́мо* 'ноша в обхват' и под., которые возводятся автором к **bermь*/**-a*/**-o*, но ср. **bermь*; такое же усечение рефлексов *-ten-* основ можно предполагать для рус. диал. *оберёмок* 'охапка, берема', блр. *абярэ́мак* то же, укр. *оберёмок* то же, возводимых автором к **obermь*;

рус. диал. *гру́м* 'глыба, ком', блр. диал. *гру́ма* 'куча', болг. *грумик* 'комоч', с.-хорв. *гру́м*, *гру́м* 'комоч' и т.д., возводимые к **grudmь*/**-a*, — ср. **grudmь* (с.-хорв. диал. *гру́мьен*, ЭССЯ 7, 152—152);

др.-рус. *рама* 'граница, пашня', рус. диал. *ра́ма* 'межа, граница; конец пашни', возводимое к **orma*, но ср. **ormь* (рус. диал. *рамень*).

Поскольку, как уже отмечалось, авторские толкования в структурном плане опираются на взаимообусловленные гипотезы, очень существенным критерием оценки при-

нимаемых решений и основанием для сравнения их с известными версиями становится семантическая достоверность. С этой точки зрения неубедительно выглядят, например, толкования:

čamъ*/čata* (рус. диал. *чáмушка* 'старая, потерявшая память женщина', *чáмой* 'привередливый', болг. *чáмкъ* 'легкая болезнь', *чáмая* 'больной, хилый', с.-хорв. *чама* 'скука, тоска, томление', кашуб. *čata* 'изнуренный работой человек') < **čakъ*/-а. от **čakati*, с реконструкцией семантического развития имени 'тот, кто ожидает' → 'тот, кто медлит (→ привередничает)', 'тот, кто не спит', 'ожидание' → 'скука' — при учете семантических близких рус. диал. ряз. *скамéзливый* 'привередливый', укр. *комизі́ца* 'упираться, упорно не желать чего-либо', рус. диал. *камéть* 'томиться в ожидании чего-либо', *скомить* 'болеть, жаловаться', словен. *skométi* 'тосковать, грустить' наряду с *čéméti* 'болеть', *čéméti* 'неподвижно сидеть' и под.) выявляется большая вероятность принадлежности **čamъ*/**čata*, вместе с группой *(s)*kom-*, к гнезду *(s)*čemiti* (ср. ЭССЯ 4, 15: **čamiti* рассматривается как родственное с лит. *kamúoti* 'мучить');

**perma* (рус. диал. *перéма* 'часть колодки от каблука до носка', инослав. **perъ*) < **per-ъ*/-а от *pyati* — материал свидетельства скорее о семантике 'перемычка, связка' (а не 'опора'), а поэтому более вероятна связь с **jeiti*, **ьjъq*, которую предполагал Махек (Machek 493); ср. в отношении мотивации *перехват*;

**somъ* и **rosomъ*/-а (названия гребня и бревен крыши) < **sokъ*/-а, от **sočiti* 'следовать', с реконструкцией первичной семантики имени 'то, что указывает направление, выступать' — более убедительно отвергаемое автором предположение об и.-е. родстве, ср. др.-инд. *śamya* 'палка, опора', арм. *samik* 'два бревна в ярме' и др. (Machek² 566);

**stromъ* < **strop-ъ*, от **stropiti*, с первичным значением имени 'стропило' — 'устой' — 'дерево' — ср. естественную связь 'устремляться' → 'крутой, высокий' → 'дерево' в гнезде **strēmēti*;

sumъ*/suma* (рус. диал. *суму сумовать* 'думу думать', блр. *сум* 'грусть, тоска', укр. *сум* 'печаль, грусть') < **sqd-ъ*, от **sqditi* — отнесенный сюда материал неотделим, вопреки мнению автора, от блр. диал. *сум* 'сомнение', словен. *sām* и *sāmja* то же, которые все исходят в конечном счете к **soъmъ*'а (*sumъ* — результат переразложения), от **mylēti* (Miklosich 188);

Семантически неубедителен и опыт этимологизации на славянской почве **terъ* (название построек) < **terp-ъ*, от глагола, родственного лит. *térpti*, с принятием родства с ю.-слав. **torъ* 'яма'.

В число лексем, объясняемых К. Лиукконеном как праславянские образования, попали и некоторые заимствования. Например:

в группу белорусских продолжений **sumъ*/**suma* рядом с *сум* 'тоска' включено *сума* 'пожитки, имущество' (заимствование через польский из нем. *Saum* 'ноша'); результатом развития значения того же заимствования является и помещенное в эту статью рус. диал. *сумá* 'искривление на косе, получившееся во время битья' (ср. *карман* 'углубление');

рус. и блр. *хóхма* 'остроумная шутка, насмешка' является гебраизмом: ср. др.-евр. *hāxām*, *hoxmāh* 'умная мысль (также и ирон.)', вост.-еврейск. *хохмес* то же⁴; блр. диал. *хóхам* 'смех', объясняемое автором из **xoxotъ* (от **xoxotati*) представляет собою, скорее всего, тот же гебраизм, семантически сближенный по народной этимологии с **xoxotati*;

для группы ст.-рус. *рум* 'лесная пристань', рус. диал. *рум* 'место для временного склада бревен и других материалов на поляне или на берегу реки' и под. вероятнее не просто влияние нем. *Raum*, которое признает автор, а заимствование (возможно, при посредстве польск. *gim* 'свободная дорога, проход; свободное место').

Приведенные авторские этимологические разработки восточнославянской лексики дают представление об их различии по степени убедительности и правомерности праславянских реконструкций. Однако все эти новые толкования и дополнения к старым и большой словарь потенциальных праславянизмов с суф. -*т-*, включающий много новых для этимологии диалектизмов, очень интересны для славянской этимологии и

словообразования и как источник материала, и как апробация одного из способов его этимологизации.

Особый раздел (III) книги К. Лиукконена составило обобщение наблюдений о фонетических явлениях на границе корня и суф. *-m-* в отглагольных существительных и характеристика некоторых особенностей словообразования этих имен. Проблематичность многих этимологических толкований, послуживших базой для теоретических построений этой части книги, сообщает это качество и соответствующим авторским гипотезам. Так, возможность иного объяснения **verta* (от **verti*, а не **vert-*) и сомнительность **duma* < **dumta* обнаруживают необязательность образования имен с суф. *-m-* от основ настоящего времени (ср. вывод о наличии такой закономерности на с. 199). Из фонетических гипотез автора наиболее сомнительно предположение об изменении $q + m > om$ (с. 192), поскольку обосновывающие его этимологии не представляются оптимальными.

Достаточно доказательны положения об изменении $p/b + m > m$ (см. **nalimь*, **oimь*) и $\eta + m > m$ (см. **priimьto*). Очевидно, и эта часть книги полезна как попытка дальнейшего проникновения в процессы праславянской фонетики, основывающаяся на новых материалах и гипотезах.

Отмеченные особенности книги К. Лиукконена определяют ее ценность для славянской этимологии и сравнительно-исторической грамматики и интерес к ее обещанному автором продолжению (с анализом имен на *-ьm-*).

Ж. Ж. Варбот

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. P., 1974. T. IV. 570—574.* Эта работа упоминается в данном случае не как первоисточник соответствующих толкований, а как наиболее полное обобщение результатов предшествующих исследований.
- ² *Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике // Этимология. 1974. М., 1976. 16—20.*
- ³ *Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III / Этимология. 1973. М., 1975. 28—29.*
- ⁴ *Vexler P. Hebräische und aramäische Elemente in den slavischen Sprachen. Wege, Chronologien und Diffusionsgebiet // ZfslPh. XLIII, 2. 1983. 246—250.*